

RU

Женщина и любовь на войне во фронтовом дневнике матроса-подводника: гендерно-антропологический аспект

Постникова Е. Г., Любецкий А. Е., Сенникова К. Г.

Аннотация. Цель исследования - с позиций современной военно-исторической и гендерной антропологии изучить проблему «женщина на войне» и феномены фронтовой любовно-сексуальной культуры. Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот вводятся новые источники - эго-документы фронтовика, штурманского электрика подводных лодок «М-107» и «М-119» Г. И. Сенникова. В результате доказано, что кроме гендерных ролей, традиционно приписываемых женщинам в условиях военных действий (женщины-матери и хранительницы очага, женщины-жертвы), в дневнике подводника зафиксированы и другие женские роли и соответствующие им стереотипы поведения: женщина - боевая подруга, женщина-невеста, женщина-любовница. Восприятие любовно-сексуальной культуры юношей-комбатантом позволило нам выявить некоторые «болевые точки» военных гендерных взаимоотношений и отметить феномены гендерного сбоя стереотипных половых ролей, bipolarизации любовно-сексуальной культуры на войне, эмансипации социальных и гендерных ролей.

EN

Woman and Love at War in a Submarine Sailor's Front-Line Diary: Gender and Anthropological Aspect

Postnikova Y. G., Lyubetsky A. E., Sennikova K. G.

Abstract. The aim of the research is to study the problem of woman at war and the phenomena of the front-line love and sexual culture from the point of modern military historical and gender anthropology. The scientific originality of the research lies in the fact that it introduces new sources, that is ego-documents of a front-line soldier, a navigator electrician of the M-107 and M-119 submarines G. I. Sennikov, in the scientific usage. As a result, it has been proved that beside the gender roles traditionally played by women in military operations (the role of a mother and hearth keeper, the role of a victim), the submarine sailor's diary shows other female roles and corresponding behaviour stereotypes: the roles of a fellow comrade, a bride, a lover. The perception of love and sexual culture by a young combatant has allowed identifying some "pressure points" of military gender relationships and marking the phenomena of gender disruption of stereotypical sex roles, bipolarization of love and sexual culture at war, emancipation of social and gender roles.

Введение

В современной историографии существует несколько подходов к изучению проблемы «женщина на войне». «Антропологический поворот» в науке привел к появлению направлений гендерной антропологии, гендерной истории. Гендерный подход позволяет рассмотреть «процессы социализации и самоактуализации женщин в процессе адаптации к военным условиям и изменение гендерных стереотипов» (Потемкина, Савичева, 2016, с. 78). Большое количество исследований последнего времени связано с трудовой и фронтовой повседневностью женщины на войне (Бондоровская, Найденова, 2020; Потемкина, Савичева, 2016; Резникова, 2021; Романов, 2019).

В рамках гендерной антропологии перед учеными ставятся задачи изучения женского военного пространства, женской военной повседневности, женского военного опыта, женских стратегий выживания на войне (Гугова, 2017; 2021). В русле популярного направления истории эмоций исследуется психоэмоциональное состояние женщин на войне и его влияние на поведенческие стереотипы и реакции женщин, на способы взаимоотношения женщин с окружающим миром и мужчинами. Пристальное внимание исследователей сосредоточено на феноменах социальной эмансипации в условиях военного времени и гендерного сбоя стереотипных

половых ролей, а также реакции на явление «женщина на фронте» военного мужского большинства. Так, например, исследователь М. Х. Гугова (2017), поставив цель «изучения военной истории, включающей женщин в активное поле исследования», задается конкретными вопросами: «...менялись ли в традиционном сознании представления о “достойном” и “недостойном”, правильном и героическом, и как влияла война на стереотипы женского поведения, манеру одеваться, взаимоотношения с окружающим миром, воспитание детей? <...> Как женщины адаптировались к жизни в военных условиях? Каким был партизанский и фронтовой быт? Каковы женские стратегии выживания, виды работ и средств существования?» (с. 26).

Проблему «женщина на войне» в аспекте военной антропологии и психологии в поле научного дискурса ввела Е. С. Сенявская (2013), убедительно показав, что война как пограничное, пороговое состояние подчиняет человека своим ритму, духу и законам, что приводит к девальвации традиционных нравственных ценностей, крушению моральных устоев и, как следствие, – половой распущенности. Анализ писем, дневников и воспоминаний участников боевых действий Первой мировой войны позволил исследователю сделать вывод о том, что «пренебрежительно-потребительское отношение к женщине в Первую мировую войну как к “средству для удовлетворения половой потребности мужчин” сформировалось в результате сексуальной революции, обрушившейся на традиционное общество в условиях стремительной маргинализации огромных человеческих масс» (с. 40).

Актуальна для современной военной антропологии и проблема «межгендерных отношений комбатантов» (Горюшина, 2021, с. 109). В последнее время появились исследования, рассматривающие проблемы взаимоотношения полов и любви на войне в контексте фронтовой повседневности. При этом существуют абсолютно разные ракурсы исследования и точки зрения на феномен фронтовой любви. С одной стороны, исследователями подчеркивается, что любовь, являясь ярчайшим проявлением жизни, помогала человеку отгородиться от страшных реалий войны, притупить страх смерти. Так, например, исследователь А. Э. Ларионов (2012) подчеркивает, что любовь на фронте приобретала «значение бескорыстной жертвы, переходя в плоскость абстрактных идеалов метафизического характера архетипического масштаба» (с. 61). Отмечаются такие варианты-мотивы чувства: «...любовь как воспоминание и ожидание, как мечта и тоска, как последнее письмо перед смертным боем, как завещание другу навестить невесту после войны, как мимолетная, но необычайно сильная вспышка страсти при кратком знакомстве, как военно-полевой роман, имеющий разные продолжения после войны» (с. 60). Ряд исследований посвящен реальным историям любви военного времени (Бич, Хворосьянкина, Шторгина, 2015; Ушаков, Евтушок, 2020; Лычагов, 2020).

Вместе с тем многие исследователи сосредоточиваются на проблеме насилия (физического и социального) и безопасности женщины в условиях войны, доминантой таких исследований становится проблема сексуальных отношений. Современный публичный дискурс пестрит материалами, посвященными явлению «походно-полевых жен» (Походно-полевые жены..., 2018; Походно-полевые жены. ППЖ..., 2019; ППЖ: наложницы или боевые подруги..., 2012).

Серьезное исследование В. С. Дубиной (2015) посвящено проблеме сексуального насилия на восточном и западном фронтах Второй мировой войны. Исследователь отмечает своеобразную табуированность этой темы для советских женщин, которые, в отличие от немок, не «педалировали» эту тему, предпочитали молчать о сексуальном насилии. Результатом такого ментального поведения стал перекосяк в современном публичном дискурсе, в котором очень популярной стала тема «миллиона изнасилованных немок». Аника Вальке в статье «Память, гендер и молчание: устная история в (пост-) советской России и призрачная грань между публичным и приватным» (2011) также отмечает «табуированность» и маргинализацию женских нарративов о жизненном опыте и опыте сексуального насилия во время войны.

Изучение феномена войны в аспекте гендерной антропологии позволило исследователям выделить традиционные гендерные роли, приписываемые женщинам в условиях военных действий (образы женщины-матери и хранительницы очага, женщины-жертвы) и новые гендерные роли (женщины-солдата, бойца, женщины-террористки) (Скороспелова, 2019, с. 77). Исследователи доказали, что тезис о войне как защите «слабого пола» и актуализация образа «женщины-жертвы» может служить целям оправдания наступательных военных действий (Скороспелова, 2019, с. 81).

Важнейшие проблемы «женщина на войне», гендерно-ролевой идентификации и гендерных взаимоотношений в экстремальных условиях войны мы предлагаем рассмотреть на материале военных дневников матроса-подводника Северного флота, участника Великой Отечественной войны Г. И. Сенникова (см. Фото 1). В архиве Лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова хранятся электронные копии 3-х военных дневников матроса-подводника, штурманского электрика подводных лодок «М-107» («Новосибирского комсомольца») и «М-119» Г. И. Сенникова. Первый дневник, назовем его «северным», можно считать фронтовым, так как он охватывает события войны на Севере (Мурманск, Полярное – Северный флот) с августа 1943 г. по май 1944 г. (Фронтовой дневник..., 1943-1944). Второй и третий дневники, назовем их «крымскими», велись уже в Крыму, куда «Малютки» с экипажами были переправлены в мае-июне 1944 г. уже после освобождения полуострова (Фронтовой дневник..., 1944-1945; Фронтовой дневник..., 1945-1946). Подробнее о самих тетрадях мы писали в предыдущей статье (Постникова, Любецкий, Сенникова, 2021).

Актуальность исследования связана не только с тем, что историко-антропологическое и историко-психологическое исследование новых эго-документов является важнейшим ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования, но и с недостаточной разработанностью темы «женщина на войне» с позиций современной гендерной антропологии.

В связи с этим ставятся следующие задачи исследования: проанализировать фронтовые записи рядового краснофлотца Г. И. Сенникова, посвященные женщинам на войне и фронтовой любви; выделить типы женского поведения и гендерные роли, взятые женщинами во время войны и подмеченные мужчиной-комбатантом; установить личности женщин-фронтовичек, описанных во фронтовых тетрадах краснофлотца (по возможности восстановить их биографию); выявить специфику гендерных взаимоотношений и любовно-сексуальной культуры периода Великой Отечественной войны; исследовать феномены гендерного сдвига стереотипных половых ролей, биполяризации любовно-сексуальной культуры на войне, эмансипации социальных и гендерных ролей и реакции на явление «женщина на фронте» военного мужского большинства.

Военные дневники и воспоминания матроса-подводника Г. И. Сенникова исследуются с помощью современных гендерно-антропологического и историко-психологического подходов с применением метода источниковедческого анализа и биографического метода. Теоретической базой послужили исследования ученых, работающих в направлениях гендерной и военно-исторической антропологии, исторической психологии, изучающих историю повседневности: Е. С. Сенявской, И. Г. Тажидиновой, М. Х. Гуговой, А. Э. Ларионова, В. Дубиной, А. Вальке, Т. В. Скороспеловой, М. Н. Потемкиной и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения истории войны на Севере, при написании учебных пособий по истории, при разработке общих и специальных лекционных курсов и семинаров, при создании выставок, посвященных войне.

Основная часть

Здесь сразу отметим специфику подачи темы «женщина на войне» на материале дневника краснофлотца Г. И. Сенникова: мир женщин, женское военное пространство и половые взаимоотношения даны глазами мужчины – юного комбатанта, то есть перед нами восприятие женщины и женского через индивидуальный мужской военный опыт. Нас будут интересовать следующие вопросы: какие закономерности в поведении женщин на войне подмечал молодой подводник; какие женские типы он выделял; какие «болевые точки» во взаимоотношениях женщин и мужчин на фронте зафиксировал; как он переживал проблемы гендера и половых/сексуальных отношений на индивидуальном уровне и что вообще значила женщина в его индивидуальном мужском фронтовом бытии.

Георгий Иванович запечатлел в своем дневнике образы нескольких реальных женщин. Некоторых из них нам удалось идентифицировать и даже восстановить их послевоенную биографию, узнать, как сложилась их судьба. Речь идет о краснофлотце Терентьевой Зое Афанасьевне, вольнонаемной, слесаре-сборщице торпедной мастерской Семенихиной Ларисе Лазаревне, старшем лейтенанте медицинской службы Шадруновой Любове Николаевне.

Женщина и любовь – одна из ведущих тем эго-документов Сенникова. Эпиграфом к самому дневнику могла бы стать запись, появляющаяся в первой «северной» тетради дневника 30 марта 1943 г.: «Женщина! Она присутствует даже здесь, на глубине океана. Незримо, но присутствует». В этой же записи задается один из важнейших проблемных вопросов, над которым ломает голову юный подводник и который держит нерв дневникового повествования: а что есть женщина и что есть любовь. Перед нами два абсолютно противоположных мужских взгляда («романтика» штурмана и «пройдохи» механика), два полюса раскрытия этой темы и две разных женщины, присутствующие и «на дне океана»: симоновская, которая «ожиданием своим» спасает мужчину, и рыжая Машка из Тюва-губы. Приведем цитату полностью: «Штурман... в отсеке он читает наизусть стихи Симонова из пресловутого сборника “С тобой и без тебя”. А над ним потешается механик, старый морской бродяга, пройдоха и пьяница, для которого всякие любовные вздохи давно отошли в область преданий. Женщина! Она присутствует даже здесь, на глубине океана. Незримо, но присутствует. Когда я перехожу в четвертый отсек, там тоже рассказывается какая-то история о рыжей Машке из Тюва-губы» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 127).

Военные действия традиционно предполагают гендерную асимметрию и четкое распределение гендерных ролей: мужчина-воин, а женщина-хранительница очага, мать и женщина-жертва. Первая мировая война внесла свои коррективы в это культурное поле, добавив в него новую женскую гендерную роль – роль женщины-бойца (первый женский Добровольческий ударный батальон смерти под командованием Марии Бочкаревой). Эго-документы Великой Отечественной войны, письма и воспоминания фронтовиков, общественный дискурс того времени позволяет нам выделить еще несколько актуальных для советской истории и культуры женских ролей: женщина – боевая подруга (маркеры: надежность, способность быть хорошим товарищем), женщина-невеста (главные атрибуты – невинность и верность, целомудрие), женщина-любовница (маркированные черты: легкодоступность, порочность (ППЖ)).

В дневнике Георгия Ивановича образ **женщины-матери** и хранительницы очага, ждущей возвращения мужа с фронта и своим ожиданием «спасающей» мужчину (вспомним симоновское: «Ожиданием своим ты спасла меня» (Симонов, 1982, с. 177)), ярче всего проявляется в стихотворении «Две малютки», которое записано в «крымской» тетради дневника Сенникова. Две «малютки» этого стихотворения – ребенок и подводная лодка класса «малютка» – находятся под опекой и защитой матери, которая ждет своего мужа-фронтовика и отца-командира подводной лодки. Здесь мы впервые публикуем отрывки из стихотворения, точное авторство которого не установлено, но инициалы, стоящие под текстом, дают нам основание предполагать, что оно принадлежит

перу Валентина Буранова (фамилия указана в воспоминаниях «Малютка уходит в море» (Сенников, Малютка уходит в море, с. 72)). Валентин Буранов, курсант Бакинского военно-морского подготовительного училища, прибыл на практику на ЧФ в 1946 г.

Две малютки

1. Голодная блокада
Царит над Ленинградом,
Снежок на одеяле,
На окошке лед.
Спустилась ночь на город,
Неся мороз и холод.
Малютка засыпает.
Мать над ней поет.

Спи, дочка, спи, малютка!
Пусть ветер воет жутко,
Пусть вьюга напеваает за стеной.
Не плачь и спи спокойно,
И будь отца достойна,
Он ветра не боится, борясь с волной.

2. В бушующем просторе
В открытом бурном море
С волной играет ветер,
И стонет шторм, сердит.
Но в непогоду чутко
Спит на волне «малютка»,
И в рубке до рассвета
Командир не спит.

Спи, дочка, спи, малютка!
Пусть ветер воет жутко,
Пусть шторм шумит над головой.
Не плачь и спи спокойно.
Вот кончатся все войны
С победой я приду к малютке дорогой!
Кавказ. Апрель 1946 г. ВБ (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 116-118).

Классическая гендерная роль женщины на войне – **женщина-жертва**. Трагедия войны передается в такой записи: «Сережка собрался жениться. Говорит – хорошую девушку встретил. Вчера вечером он тепло простился с ней, а на утро не нашел ни ее, ни дома. Яма одна» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 28). Факты унижения, физического насилия и гибели женщины на войне могут для бойца стать как мотивацией для активизации агрессии в отношении врага, если женщина «наша», так и поводом ощутить всю абсурдность и античеловечность войны, если речь идет о женщине-жертве вообще. Читаем в дневнике: «К Екатерининскому острову прибило труп девушки в роскошном шелковом платье. На шее у нее – обрывок флага. Это не наша. Откуда? Что за трагедия и где?» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 28). Для автора дневника не важна национальность погибшей девушки, чтобы прочувствовать трагедию случившегося.

Великая Отечественная война сформировала еще одну гендерную роль, ставшую классической для советской социальной культуры. **Женщина – боевая подруга** – это женщина, которая наравне с мужчиной переносит тяготы военного времени, работает у станка и воюет на фронте, подруга, которой можно доверять, как самому себе, которая никогда не подведет, с которой можно поделиться секретной информацией, доверить интимные тайны и попросить передать последнее письмо своей невесте, уходя в бой, из которого можешь не вернуться.

Ярче всего ставшие уже архетипическими черты женщины – боевой подруги проявляются в дневнике в образе девушки, прозванной автором Лара Северянка. Георгий Иванович пишет, что познакомился с Ларой осенью 1942 г. во время бомбежки и был поражен ее храбростью и способностью сохранять спокойствие в экстремальной ситуации: «Одна из очередных бомбежек Росты застала нас около ее дома. Мы увидели девушку, которая спокойно шла по дороге, не обращая на стальной дождь никакого внимания. <...> Признаться, чувствовали мы себя неважно, еще бы, какая-то девчонка оказалась *храбрее нас* – военных моряков» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 162). Как и многие женщины во время Великой Отечественной войны, Лара Северянка получила опыт работы в боевой обстановке и была награждена настоящей фронтовой медалью: «Работает в торпедной мастерской. Работает много, очень устает, но никогда не показывает этого, не хнычет и не жалуется на судьбу, как это делают прочие. <...> Лара получила за свою работу в торпедной мастерской *медаль “За боевые заслуги”*. Это было тогда, когда мы с Сашкой еще ни черта не имели. Ох и паршиво же мы чувствовали себя перед ней!» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 164).

Краснофлотцу важно подчеркнуть в девушке черты женщины-друга, соратницы. Он восхищается ее строгостью, принципиальностью, умением держать себя в мужской компании, вызывать уважение и авторитет: «В ней для нас было воплощение всего хорошего, она единственная заставляла нас поверить в существование понятия “девушка-друг” и того, что скрывается за этими словами. К ней мы шли со всеми своими большими и маленькими радостями и горем, и всегда у нее находилось для нас ласковое слово и улыбка» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 202); «И вместе с тем *рассудительная и строгая*. Во всяком случае, я всегда чувствую себя мальчишкой в ее присутствии, хотя и старше ее. <...> Есть в этой девушке (а ей всего 17 лет) что-то такое, что заставляет относиться к ней с *глубоким уважением* не только меня, грешного, но и весь сонм бродяг и пьяниц, именуемых подводниками. У Лары есть *свои убеждения*. Убеждения подчас наивные, но поражают не они, а та *твердость*, с которой она их отстаивает. А самое главное, вероятно, это постоянная готовность помогать людям. <...> Я видел, как самые отчаянные бузотеры становились смиренными овечками рядом с ней» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 161-162).

Такой боевой подруге фронтовик перед боем может поведать о своей невесте и оставить для нее записку: «Я рассказал ей о Л... И оставил ей адрес ее, чтобы она имела возможность сообщить, если со мной что-нибудь случится» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 57).

Георгий Иванович создал образ чистой идеальной девушки – боевой подруги. В дневнике он называет ее Ларой Северянской, и нам долго не удавалось идентифицировать ее личность. Наконец, в воспоминаниях «Малютка уходит в море», так и не опубликованной при жизни автора, мы нашли ее фамилию: Семенихина Лариса (Сенников, Малютка уходит в море, с. 102). Нам удалось установить, что Лара Северянка – это Семенихина Лариса Лазаревна, 1924 г.р. – вольнонаемная, слесарь-сборщик торпед Минно-торпедного отдела СФ. Действительно, на сайте «Память народа» есть приказ о ее награждении 8.03.1943 медалью «За боевые заслуги» (сайт «Память народа») (ЦВМА, ф. 3, оп. 1, д. 590, 573). В дневнике записан адрес: «Мурманск. Роста, 44. Л.С.». Скорее всего, это и есть адрес «домика с двумя окошками», где жила Лара Северянка.

Еще один образ девушки-друга во фронтовом дневнике Сенникова – это Зойка (она же Жойка, она же Пушистая шапочка), «вечная спутница по конькам» и партнерша по танцам в клубе моряков СФ, подруга Георгия Ивановича. Описывая хорошо знакомую реальную девушку, сослуживца-краснофлотца, Георгий Иванович невольно проецирует на нее архетипические черты образа **«женщины-невесты»**, подчеркивает, выделяет такие определяющие ее личность качества, как верность одному единственному мужчине, преданность, строгие правила (сдержанность в сексуальном поведении), способность дружить. Зойка не только «боевая подруга», она еще и верная невеста. Вот типичная запись: «Воскресенье. После обеда идем с Зойкой на каток. <...> Зойка на коньках держится хорошо. Мы долго катаемся вместе, но потом она “изменяет” мне с целой командой эски. <...> Есть что-то *простое и милое* в этой девушке. Я чувствую к ней истинное расположение и прежде всего за ее твердую *верность* К. Он – жених Зойки. Сейчас он на Рыбачьем. И напрасно окружают Зойку сотни поклонников, рассыпаясь в дешевых комплиментах. Может быть, и ко мне-то она относится слишком хорошо потому, что я не в числе их! У Зойки *твердые правила*, разубедить в которых ее не так-то легко» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 95).

Нам удалось установить, что Зойка – это Терентьева Зоя Афанасьевна, 1921 г.р., старший краснофлотец, работала в штабе в отделе кадров базы подводных лодок СФ, награждена медалью «За боевые заслуги» (ЦВМА, ф. 3, оп. 1, д. 1219, 1505) (см. Фото 2). В «крымском» дневнике Георгий Иванович упоминает о гибели жениха Зои Афанасьевны, о которой узнал из ее письма: «Письмо с Севера. З. сообщает грустные вести! Гвардейская, краснознаменная “Щ-402” погибла. И как глупо. От руки своих. При взятии Петсамо погиб В.К. – жених Зойки. Он был для нее все. Бедная “пушистая шапочка”. “Полярного звонкий каток...Вьется из-под синего берета непокорный локон золотой”...Локон вьется, а В. нет. Его ленты и локоны больше не тронет ни один ветер. Страшно погибать в конце войны» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 31). Жених Зои погиб при проведении Петсамо-Киркенесской операции. После войны она вместе с семьей переехала в Ростов-на-Дону, окончила педагогический институт. Работала учителем математики в одной из школ города Шахты (Глава Администрации города..., 2015). Скончалась в Ростове-на-Дону в январе 2019 г. в возрасте 98 лет. Возможно, о не только дружеском отношении Георгия Сенникова к «Зойке» говорит фраза, так и оставшаяся в черновике на отдельном листочке: «А матрос З. – стерва. Ох, елки-палки».

Таким образом, как минимум две реальные девушки, упомянутые во фронтовом дневнике Г. И. Сенникова, в его оценке вполне вписываются в гендерную роль «женщина – боевая подруга» и демонстрируют соответствующие ей стереотипы поведения: добровольную тяжелую работу/службу на благо отечества, соблюдение кодекса чести, моральную поддержку сослуживцев-мужчин, строгость в сексуальном поведении. Кроме этого в образе Зойки (Терентьевой З. А.) проявляются маркированные качества и стереотипы поведения, характерные для гендерной роли «девушки-невесты»: душевная преданность и верность одному единственному мужчине. Что касается внешнего вида девушек, то общими эпитетами в их описании являются: «пушистая», «мягкая», «нежная» – константы вечной женственности: «У нее какие-то пушистые глаза. Вернее, не глаза, а ресницы. А кажется, что глаза. И вся какая-то пушистая, нежная, ласковая...» (о Ларе Северянке (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 161), «пушистая шапочка» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 95; Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 31) (о Зойке)). «Пушистой шапочкой» Георгий Иванович назовет и Маргарет (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 45).

Нежность и верность как черты идеальной «девушки-невесты» ярче всего прописаны в образе Маргарет из второго «крымского» дневника Сенникова. Георгий Иванович поведал очень трогательную историю любви

американки Маргарет и подводника Лелюхина Якова Дмитриевича (см. Фото 3). «С Яшкой Лелюхиным я познакомился во Владивостоке. Он плавал тогда на большой подводной лодке Л-16. <...> Как вдруг я столкнулся с Яшкой в Полярном, маленьком городке на берегу Баренцева моря, где базировалась тогда наша бригада. Оказалось, что лодка, на которой плавал Яшка, попала в число других пяти, пришедших из Владивостока к нам на Север на помощь. Шли они долгим круглым путем через три океана, Америку и Англию. Поэтому, естественно, ребятам было что рассказать» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 54) – пишет Сенников. Действительно, Лелюхин Яков Дмитриевич, 1917 г.р. – старшина 2-й статьи, командир отделения штурманских электриков ПЛ «С-55» СФ, погиб 29.12.1943 вместе с лодкой (ЦВМА, ф. 795, оп. 24, д. 2). Подводная лодка «С-55», была переброшена с ТОФ на СФ. На Север субмарина шла по маршруту: Владивосток – Петропавловск-Камчатский – Датч-Харбор – Сан-Франциско – Коко-Соло – Гуантанамо – Галифакс – Рейкьявик – Гринок – Портсмут – Розайт – Лервик – Полярное. Лодка погибла в четвертом боевом походе (<http://www.sovboat.ru/ship/s55.php3>). Впервые упоминание Якова Лелюхина и Маргарет встречается в первой «северной» тетради дневника Сенникова в январе 1944 г. в связи с гибелью лодки: «Погибла “С-55”. <...> Больше не будет Яшкиных рассказов о Маргарет» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 45).

После перебросок подводных лодок класса «малютка» с Севера в Крым в 1944 г. у подводника появилось больше возможностей для ведения дневника, и он решил вернуться к этой истории, записать все подробно. Как сообщает Георгий Иванович, Яков Лелюхин в Сан-Франциско познакомился со своей возлюбленной Маргарет, которая потом неожиданно с американской эскадрой приехала на русский Север: «В конце января 1943 г. они ушли в очередной боевой поход к берегам Норвегии, а буквально пару дней спустя в Мурманск пришел большой караван судов из Америки, и один из кораблей привез в наши суровые края Маргарет. Она неожиданно появилась у нас в бригаде, прожила довольно долгое время, дожидаясь возвращения своего Джека. Нас поразили внешний вид этой девушки. Лишенные долгое время благотворного влияния женского общества, мы страшно огрубели, и веяние чистоты, нежности и красоты, которыми на нас пахнуло от этой девушки, произвело на нас прямо потрясающее впечатление. Поразили нас и сам факт ее появления в Полярном. Надо было очень любить, чтобы решиться на это путешествие к своему возлюбленному. <...> Через пару дней мы все оказались под ее влиянием. Мы наперебой ухаживали за ней, старались, чтобы ей было нескучно, расписывали ей ее Джека в самые радужные цвета. Мы даже сами стали на какое-то время ультра-сентиментальными, научились говорить нежные вещи и даже вздыхать» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 59-60).

Очевидно, Маргарет – это воплощение мечты всех воюющих мужчин о верной и любящей женщине. Георгий Иванович указывает, что подводники настолько прониклись к Маргарет, что всей бригадой ждали вместе с ней возвращения «Джека Лелюкинга», как она называла возлюбленного: «А как мы ждали возвращения Яшки! Наверное, ни одну лодку так не ждали ни до, ни после этой истории. Срок их пребывания в море истек, но они запросили по радию разрешения остаться еще на пять дней. Им разрешили. Прошли еще пять дней, потом еще пять... Они не вернулись. С гибелью этой лодки мы долгое время не могли согласиться. На всех кораблях... ловили радиоволны в надежде поймать хоть какое-то известие. Но факт останется фактом, и нам волей-неволей пришлось с ним смириться» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 61-62).

Маргарет на долгое время для моряков СФ стала олицетворением всех верных и ждущих, живым воплощением архетипа «вечной невесты»: «Долгое время еще после этого мы видели одинокую фигурку на пирсе со взглядом, устремленным в сторону моря. Это была Маргарет, которая одна из всех еще продолжала надеяться. Так и кончилась эта великая любовь. Вероятно, всякая великая любовь неизменно оканчивается так...» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 61-62). К сожалению, на настоящий момент нам не удалось идентифицировать личность Маргарет. Но история любви Якова Лелюхина и американки Маргарет, описанная в «крымском» дневнике, произвела на Георгия Ивановича настолько сильное впечатление, что уже в 80-е гг. он посвятил ей картину «Девушка на пирсе» (см. Фото 5).

Доминантой во фронтовом «северном» дневнике звучит тема поиска любви, тоски по чистым отношениям:

«Но в Полярном девушки запели,
Про весну, про счастье и любовь!

И все не так. Где синий берет? И тем более золотой локон... <...> Вероятно одно: *просит сердце ласки молодой! Молодой и чистой. Главное – чистой!* Пуская тебя целуют другие... Но хоть бы увидеть, поверить, что ты существуешь...!» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 49). Та же тоска по любви звучит и в Крымском дневнике: «Хочется любви! Ой как хочется! Не той, грязной и дешевой, которую я вижу в каждом портовом городе, на каждом шагу. Большой и светлой, сильной и всепобеждающей, той, которая кончается только смертью» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 33).

Здесь стоит упомянуть, что у Георгия Ивановича был адресат для переписки. Девушка, которую он считал невестой и письма от которой с нетерпением ждал на Северном флоте: «Ее письма наполняют душу болью, но болью сладкой» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 83). В дневнике имя девушки, от которой Георгий Иванович получал письма в 1942-1943 г., аккуратно вымарано. Только кое-где осталось «Л.», и два раза «Люба». Мы установили, что «Л.» – это Любовь Николаевна Шадрюнова, 1922 г.р. – старший лейтенант медицинской службы, с которой Георгий Иванович познакомился в эшелоне поезда, везущего подводников на фронт (см. Фото 4). Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (ЦАМО, № Ш. 186, № Я. 12). Письма Любы в самые страшные годы войны помогали Георгию Ивановичу преодолевать страх смерти, давали надежду на любовь и будущее (Постникова, Любецкий, 2020). Причина, по которой Георгий

Иванович впоследствии вымарал имя девушки-невесты из текста, – ее измена. По семейным воспоминаниям, «Л.» не дождалась Георгия Ивановича с фронта. Оказалось, что, выйдя замуж, она еще год писала ему, не оповестив об изменении своего семейного статуса. Уже в 50-х гг. Люба, разведясь, посылала запрос на ЧФ, искала Георгия Ивановича. Любовь Николаевна нашла Сенникова в Ленинграде, где он учился в аспирантуре в начале 60-х гг., и стала его женой.

История измены возлюбленной актуализирует болезненную для фронтовиков тему верности/неверности. Мы видим, как тяжело подводник переживает факт измены и как это меняет его отношение к женщинам вообще: «Письмо... как призрак, проклятье всюду следует за мной. Оно *освободило всех демонов души моей, толкнуло в грязь...* Я был весь переполнен идеями великой любви. Я готов был на каждом углу кричать о любви, которая кончается только смертью, о девушке – друге, за один взгляд которой можно с великой радостью отдать свою жизнь. Я готов был молиться на такие слова, как “девушка”, “люблю”. Сколько перенес я издевок от своих друзей за эти глупо-наивные мысли, как яростно отстаивал их, только для того, чтобы, в конце концов, получить удар в сердце от той, для которой был готов на все на свете» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 99). Следуют обобщения: «Сколько мужчин, вернувшихся с фронта, нашли возле жен занятое место. Я собственными ушами слышал, как одна из этих паскуд заявила: “Для кого День победы праздник, а для меня – горе. Я думала, война еще будет продолжаться и моего еще ухлопают где-нибудь, а он живой вернулся!”» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 150).

Измена возлюбленной настолько разочаровывает молодого краснофлотца, что меняется его отношение к женщинам, понимание им женской природы. В дневнике появляются такие записи: «Только женщина способна жалить так смертельно, так подло, после клятв и заверений в любви. Мужчина всегда порядочнее» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 137). И постепенно чередой «чистых» женских образов из Северного дневника (девушек-невест, женщин – боевых подруг) сменяется в его «крымском» дневнике образами женщин легкого поведения. Меняется и лексика, появляются «стервы», «б...», «чучела в хвостах и перьях» «особы женского пола», «курвы», «из собачьего хвоста сделанные» и т.д. Романтизация и идеализация женщины сменяется ее окарикатуриванием, опошлением, профанацией ее образа. Характерны две записи, описывающие близкую ситуацию: командир и его жена. Сравним в «северном» дневнике: «На пирсе у трапа стоял командир. Рядом с ним, крепко прижавшись к нему, – стройная молодая женщина. Очевидно, жена. По ее щекам обильно струились слезы. От радости? <...> *Я даже позавидовал...*» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 142). А вот запись из «крымского» дневника: «В Одессе на пирсе нас встречает Г. со своей женой. Еще не хватало! Она что-то неопределенное, укутанное в пуховые шали и лисьи хвосты и явно изображающее из себя даму светскую. <...> Потом она лезет в лодку, показывая нам цвет своих рейтуз. Что за идиотская привычка некоторых офицеров таскать на корабль своих жен! Хвастаются? <...> Матросы провожают чучело из шалей и хвостов мрачными взглядами: действует традиционное “*Женщина на корабле – быть беде*”» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 52).

Еще одна гендерная роль, особенно востребованная мужчинами-комбатантами на фронте, «женщина-любовница», легкодоступная женщина (проститутка). Такие женщины появляются еще в «северной» тетради, но пока без эмоциональных оценок: «Эта, вполне серьезная на первый взгляд женщина, занимается тем, что старательно посвящает подростков в тайны отношений мужчины и женщины. Они сами рассказывают, что каждый вечер тянут жребий, кому идти спать с М. И каждый из них чуть не трижды годится ей в сыновья. Потом Н. – кок, знакомая мне еще по “Красному горну”. Довольно миловидная женщина, но, в конечном итоге, то же, что и М.» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 94).

Стереотипы поведения и отношение к мужчинам-войнам таких женщин ярче всего проявляется в следующей записи: «В Полярном после гибели “С-55” я встретил симпатию погибшего штурмана лодки Александрова. Не помню уже, по какому случаю я разговорился с ней и зачем мне понадобилось соваться к ней с утешениями. <...> Она сказала мне: “Эх ты, салажонок... Пропадешь ты со своими рыцарскими чувствами в наш век. Запомни раз и навсегда, что *женщины из собачьего хвоста сделаны* и твой Сашка нужен мне сейчас не больше, чем дырявый туфель”» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 143).

Фиксирует подводник в своем дневнике и факты наличия в портах некоего подобия публичных домов, где матросы могли удовлетворить свои сексуальные потребности, и связанную с этим проблему добровольной проституции. Причем такие «места» существовали и на Севере, и в Крыму, что трактовалось самим матросом как неизбежное следствие войны. Из «северного» дневника: «И обидно, когда видишь, что рядом с этой прекрасной жизнью идет другая, *грязная и подлая жизнь в трущобах Переймы, в мурманском “Шанхае”*» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 85). Из «крымского дневника»: «“Дербент”. Кто на Черном море не знает этот страшный корабль? Он знаменит, как черт знает что, ржавая, пропахшая чачей и луком посудина, населенная сотней самых подозрительных существ, преимущественно женских. Официально – это какое-то общежитие, неофициально – *плавучий бордель*. Последнее – вернее. Каждый вечер сюда собираются матросы всех кораблей, стоящих в Потийском порту, как в таверну леди Кэт. Здесь чача льется рекой, и грохочут такие оргии, которым позавидовало бы, пожалуй, все средневековое скопище пиратов. <...> Такие притоны, вероятно, – неизбежный спутник войны» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 105-106) (см. Фото 7).

Проблема общего падения нравов, распущенность сексуально-полового поведения как результат войны и проявление посттравматического синдрома осмысливается автором дневника, фиксирующим внешний облик и поведение «падших» женщин в «крымском» дневнике: «...какая-то стерва (предназначенная, очевидно, мне), до того похабная, что у меня мурашки бегут по спине, когда я смотрю на нее. Она сидит на стуле, заложив ногу на ногу и выставив напоказ кружево нижней юбки. В презрительно искривленных губах ее застыла

папироса. Глаза прищурены. Она дрынкает на гитаре и поет гнусавым голосом какую-то дребедень. А в бюстгалте, открытом донельзя, как живые звери, перекатываются огромные груди» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 118) (см. Фото 6).

Здесь следует отметить, что даже в боевых условиях в большинстве случаев гендерные стереотипы поведения остаются устойчивыми. Гендерные стереотипы мужского поведения на фронте включает в себя не только допустимость/недопустимость беспорядочных сексуальных отношений при ожидании от женщины-жены и подруги любви и верности. В матросской среде кодекс мужской чести, понятие мужского поведения в присутствии женщин строго регламентированы и имеют свои определенные законы. Матросу нельзя «упасть в глаза» противоположного пола, показаться слабым, испугаться. Георгий Иванович зафиксировал в своем дневнике ситуации, когда правила мужского поведения соблюдаются в ущерб требованиям элементарной безопасности. Например, кодекс «мужского» не позволил матросам с «Разъяренного» в буквальном смысле «упасть» в глаза «девчонкам», спрятавшись под койки во время бомбежки: «Вдруг – взрыв неимоверной силы. <...> Самое страшное – от взрыва рассыпались четыре барака, населенные женщинами. Они-то все спаслись, их учили забираться под кровати. Дома обвалились, и под кроватями они уцелели. А вот человек с полсотни матросов с “Разъяренного” здорово пострадали. *Не лезть же им, в самом деле, было под кровати. Да еще при девчонках!* Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что мы не успели ни черта сообразить» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 3).

Несколько раз юный матрос отмечает в дневнике явление беспорядочных сексуальных отношений на фронте (как реакцию на опасность, страх и риск) при наличии у матроса дома любимой женщины, жены. Читаем в первой тетради: «Очевидно, мы еще не научились жить во имя идеала. Я часто видел, как кто-нибудь из наших ребят, только что весь вечер восторженно проговорив о своей жене или невесте, шел потом к какой-нибудь развратной бабенке на Перейму. Это гадко, но еще гаже, пожалуй, то, что никто, абсолютно никто не видел в этом ничего предосудительного, но больше того, считал это просто в порядке вещей. И сколько я ни пытался разобраться в этом, я не находил ответа. Можно было бы обвинить в этом мужскую природу, но ведь так делают не все. И те, кто живет другой, чистой жизнью, обычно подвергается насмешкам и чуть ли не травли со стороны большинства» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 86). Такое противоречие между мыслями, идеалами и поведением большинства мужчин-комбатантов у молодого человека вызывает ощущение когнитивного диссонанса. Недоумение и неприязнь у юноши вызывает и та бравада, с которой обычно об этих связях рассказывается: «Но это ежевечернее смакование подробностей в кубрике. Это гадость. Мне всегда хочется сказать: “Ну зачем ты болтаешь, зачем трясешь своим грязным бельем перед всеми?”. Беда в том, что никто не видит на этом белье грязи. Скорее, наоборот» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 40).

Эго-документы Г. И. Сенникова позволяют нам выделить несколько «болевых точек», связанных с темой взаимоотношения полов. Одна такая болевая точка связана с проблемой сексуального насилия и использования женщин «для удовлетворения своих половых потребностей» (Сенявская, 2013, с. 40) мужчинами-комбатантами. Автор дневника никогда не говорит об этом прямо, но косвенные свидетельства в эго-документах подводника есть. В тексте дневника появляются образы юных девочек, почти детей, и связанный с этими образами мотив покушения на невинность ребенка, на его внутреннюю чистоту. Так, в сентябре 1943 г. появляется трогательная запись, посвященная девочке Маше: «Мы сидим с ней, тесно прижавшись друг к другу перед еле теплящейся печкой. <...> Слышится прерывистое завывание самолета и тотчас же за ним – проникающий в сердце вой бомбы. Машенька теснее прижимается ко мне. Дикий грохот! Щели в ставнях окон вспыхивают ярким зеленым светом. Дом вздрагивает до основания. Вместе с ним вздрагиваем и мы. <...> Я смотрю на ее лицо, освещенное красноватым пламенем. *Бедный ребенок. Ведь ей только 15!* Ее большие печальные глаза пристально смотрят в огонь. <...> Она работает в литейном цехе завода. И у нее всегда шершавые руки от формовой глины. Отец на фронте. Живет одна. *Противоестественное сочетание ребенка со взрослым человеком*». А в конце записи характерная фраза: «*А ребята – сволочи!*» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 21). Уже в «крымских» тетрадях появляется девочка Цыганок: «По дороге я захожу к Цыганку. Цыганок – это девушка, даже девочка. Ей всего 16 лет». Рассказ о ней заканчивается показательной фразой: «Матросы хоть кого обломают» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 108-109).

Тоска по чистой любви, характерная для юного подводника, заставляет его вспомнить стихи Константина Симонова: «Мне кажется, можно находить удовольствие не только в этих самых “непосредственных ощущениях”, а так же хотя бы в том, что стараться сохранить себя от них *для чего-то более чистого и высокого*. Неважно, что это только может быть в будущем и даже вообще не быть. Вспомнились мне Симоновские стихи, как раз подходящие к этому случаю. Ты их, конечно, читала. Помнишь: “На час запомнив имена”. Они мне тогда так понравились, что я их, как красная девица, переписал и выучил наизусть. А потом козырял в переписке с друзьями» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 32).

Отсылка к стихам Симонова здесь неслучайна. Не только филологи, но и исследователи, работающие в русле военной антропологии, говорят о феномене Константина Симонова, которому удалось во фронтовой лирике «акцентировать интимные темы, чрезвычайно важные в условиях войны с точки зрения ее переживания на интимном уровне» (Тажиудинова, 2009, с. 441)

Кредо автора дневника «сохранить себя от них *для чего-то более чистого и высокого*. Неважно, что это только может быть в будущем и даже вообще не быть» во многом совпадает с установкой автора упомянутого им стихотворения:

«В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом, ни душою.
Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу,
В разлуке сердца своего
Я слабодушьем не унижу» (Симонов, 1982, с. 184).

И. Г. Тажидинова (2009), анализируя это симоновское стихотворение и его отражение в массовой сознании, отмечает, что «пытаясь объяснить ту волну легких, временных связей мужчин и женщин на фронте, которая возникает как реакция на опасность, риск, страх, постоянные составляющие войны, Симонов апеллирует к разным факторам, но вопрос нравственного оправдания не возникает» (с. 443). Вот и в свое время выучивший наизусть строчки: «Спасибо той, что так легко, // Не требуя, чтоб звали милой, // Другую, ту, что далеко, // Им торопливо заменила. // Она возлюбленных чужих // Здесь пожалела, как умела, // В недобрый час согрела их // Теплом неласкового тела» (Симонов, 1982, с. 184), – юный подводник очень старается «не осуждать тех, кто “греет своим телом”». Так, после рассказа о М. и Н. в «северном» дневнике появляется такая запись: «И странно, несмотря на свою явную порочность, все они как-то своеобразно интересны. С детских лет у Студеного моря, даже в море, они видели такие картинки на своем веку, какие мне и не снились. Разговаривая, они не смущаются в выражениях и часто, не моргнув глазом, запускают таким словечком, от которого мне становится не по себе. И все-таки что-то хорошее есть в этом, в них, откровенное, не прикрытое мишурой» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 94). Осуждение появится позднее в «крымском» дневнике.

Очень важным на войне становится вопрос «индивидуальной» безопасности. Как это ни странно звучит, но эго-документы военного времени показывают, что сохранить себя, свой мир, свою внутреннюю чистоту от физического, социального, эмоционально-нравственного насилия мужчине на войне бывает так же трудно, как и женщине. В дневнике зафиксирован феномен катастрофического последствия войны: сбоя стереотипов половых ролей. Женщина, вжившаяся в роль бойца, воина, может совершенно забыть о женской природе своей сексуальности и начать транслировать чисто мужские стереотипы поведения, причем это касается и сексуального поведения. Женщина-воин может начать себя вести как мужчина-насильник. Так в третьем «крымском» дневнике появляется такая запись: «Ялта. Март. Они прибежали на пирс, увидев нашу подводную лодку. <...> Они – это две особы женского пола. <...> Я, очевидно, предназначался другой – солидных объемов дивчине в матросской шинели. <...> Лешка остался, а я... сбежал. Сбежал, хотя разгневанная пассия, которую я должен был утешать, долго орала мне вслед всякие нелестные для меня вещи. И она-таки отомстила мне за то, что я пренебрег ее прелестями. Всю ночь я прошился по улицам Ялты, а когда часов в 5 утра направил, наконец, свои стопы на корабль, я встретил ее в воротах порта. Она держала в руках винтовку и весьма недвусмысленно загородила мне дорогу. В течение двух часов я выслушивал потоки гадости по своему адресу. О! Она не стеснялась в выражениях! А если я делал движение, решительно щелкала затвором винтовки. Я бесился от ярости и готов был провалиться сквозь землю со стыда. Я прекрасно понимал, что ей ничего не стоит отправить меня на тот свет, попробуй потом докажи, что я не пытался совершить на нее нападение или еще что-нибудь в этом духе. И откровенно говоря, я даже не понимаю, почему она этого не сделала. Я, конечно, никому не стал рассказывать эту историю. Представляю, как бы веселились наши мальчишки. Но этого урока я, кажется, никогда не забуду» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 90-91).

Ломка привычного алгоритма женского поведения, сбоя гендерных статусов во время войны, выражающийся во внешнем виде, речевой культуре и в поведении женщин, неоднократно фиксируется автором дневника: «Одна из них в черной юбке и матросской тельняшке говорила мужским басом и ругалась страшно» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 111); «Мы сидим в каюте в гостях у “леди” нового сорта. Эти девушки (впрочем, не девушки, а черт знает что) – моряки в полном смысле слова. За плечами у каждой из них столько морских миль, сколько нет, пожалуй, у меня. Нахальные, грубые, циничные и в тоже время чем-то привлекательные. Может быть, тем, что от них тоже морским ветром пахнет. Когда Лелька, старшая из них, рассказывает о каком-нибудь своем плавании, мне не верится, что это говорит женщина. Не только потому, что она сыплет морской терминологией, как древний боцман, но и потому, что она ругается при этом, нисколько не смущаясь нас, как тот же боцман: в бога, в деву Марию, двенадцать апостолов, семь гробов и загробное рыдание» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 93).

Исследуя жанровую специфику и функциональные особенности военных дневников Г. И. Сенникова, мы уже отмечали, что именно тема взаимоотношения полов дает молодому человеку («студенту», как его прозвали на флоте) возможность болезненно прочувствовать свою «иную», «другую» индивидуальность, нетипичность (Постникова, 2020, с. 632). Отсюда постоянный страх, чтобы тетрадь не нашли и не прочитали матросы: «Сидели и болтали. В. говорила бессвязно, а в глазах ее я явно читал: “Ну обними же ты меня, целуй же, наконец...”». Но пусть меня вычеркнут из золотых списков буйных, бесшабашных, вечно веселых и любвеобильных моряков, а я просто не могу этого сделать после тех слов у Лары, после писем. *Дай бог, чтобы эта тетрадь не попала в руки моих товарищей, иначе они сдерут с меня десять шкур за эти слова*» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 57). Целомудренное отношение к женщинам – то, что выделяло Георгия Ивановича из «гильдии» («золотых списков») моряков, мешало вписаться в «мужское братство».

И здесь же стоит отметить, что тема верности/неверности и ситуации, связанные с предательством по-друг, заставляли мужское сообщество объединяться в «матросское братство», прочувствовать свое гендерное единство: «Помню, как однажды один парень получил гадкое письмо из дома от своей симпатии. Ответ мы сочиняли все вместе и в этот момент, вероятно, напоминали “запорожцев” Репина. Мы так и написали: “Учти, что ты имеешь дело с целым экипажем корабля!”» (Фронтовой дневник..., 1943-1944, с. 85).

Для фронтовиков вообще характерно черно-белое восприятие гендерных отношений и своеобразная биполяризация любовно-сексуальной культуры: все женщины делятся на чистых, верных, а значит, заслуживающих доверия и уважения, и женщин «падших», неверных, доступных, порочных. В дневнике Георгия Ивановича эта антитеза между девушками-невестами и доступными женщинами выражена в противопоставлении образов «чистых» девушек – боевых подруг и девушек-невест (Зои, Лары, Маргарет) образам легкодоступных женщин (М., Н., женщинам с «Дербента» и др.). Для мужчин-комбатантов характерна романтизация первых и брезгливость по отношению ко вторым.

Такая биполяризация, видение женского в черно-белых тонах без нюансов и оттенков в случае Георгия Ивановича, возможно, связана с отсутствием сексуального опыта у мальчишки, попавшего на фронт сразу из десятого класса. И только через год после войны интонации и настроения в восприятии другого пола начинают меняться. Появляется нечто новое: молодой матрос словно открывает глаза на женскую природу, женскую сексуальность. Так он описывает свои впечатления от встречи с одноклассницей во время побывки в г. Омске после войны: «Лилька. Она влетела в кабинет, как метеор, как тигр набросилась на меня, в одно мгновение превратив меня в дым и пар. <...> Видел я красивых женщин, но это было что-то особенное, молодое, стремительное и страшно красивое. Пушистые пышные волосы – как золотая рама, окаймляющая прекрасную картину. *Фигура! Я, кажется, именно с этого времени начал понимать, что такое женская фигура*» (Фронтовой дневник..., 1944-1945, с. 147-148).

В последней тетради дневника Сенникова появляется еще одна женщина, ставшая для матроса воплощением женской сексуальности: «Мы уже просто не можем обходиться без А.С. Она, А.С., – жена командира тихоокеанской лодки. Он сам – в Германии, угодил туда после аварии на своей лодке (столкнулся с другим кораблем в море). Уходя в Германию, он вызвал к себе троих – Смирнова, Потанина и меня и попросил не забывать его жену, помогать ей в его отсутствие. Очевидно, с его точки зрения, мы были самые порядочные парни из всего дивизиона. (Он так и сказал это.) Мы добросовестно выполняем его просьбу, и А.С. без внимания не остается. Она – мать двоих маленьких детей. Если бы меня спросили, какое качество ее самое яркое, я, не задумываясь, бы сказал: женственность. Кажется только здесь, общаясь с ней, я понял, наконец, *что такое женщина*, хотя и пальцем к ней не прикоснулся. Ее внешность, ее голос, глаза, походка, движения – все распространяло какую-то *неведомую силу*. С ней невозможно было пробыть вместе и полчаса, просто голова начинала кружиться. <...> Только мы, евнухи, и могли держаться... Хотя это стоило дьявольских сил» (Фронтовой дневник..., 1945-1946, с. 67).

Возможно, что в этой записи речь идет о жене Шилина Бориса Степановича. 30 апреля 1945 года Шилин Борис Степанович был назначен командиром «М-114». А в своей последней тетради Георгий Иванович упоминает о том, что временно выполнял обязанности штурманского электрика на «М-114». Есть версия, что за «командировкой в Германию» «из-за аварии» скрывается совсем другая история. Б. С. Шилин имел хорошую аттестацию, в феврале 1946 года представлен к ордену, но в апреле был уволен в отставку по болезни. Авария, о которой упоминает дневниковед, – это, скорее всего, авария, произошедшая 3 сентября 1943 года на ТОФе. Тогда Щ-128 столкнулась со Щ-130 во время учебных стрельб. Виновница аварии с погибшими членами экипажа Щ-130 была Щ-128, а помощником командира на ней был Шилин Борис Степанович. На странице дневника, посвященной А.С. (далее в записях Анне Сергеевне) вклеена фотография, на которой изображена женщина с двумя детьми (см. Фото 8).

Мы видим, что процесс выхода комбатанта из войны сопровождается стремительным эмоциональным и сексуальным взрослением, становлением «маскулинного» в себе, идентификацией мужского начала. Считаем, что на события, описанные Георгием Ивановичем в крымских дневниках, стоит посмотреть с точки зрения актуальной для военной антропологии проблемы «выхода комбатанта из войны», преодоления травматического опыта войны и адаптации к мирной жизни. В дневнике Сенникова запечатлены иногда страшные и трагические картины такого «выхода». Не все справляются с посттравматическим синдромом, многие видят выход только в «бабах и вине». В таком случае женщина и женское тело становятся своего рода «лекарством» или «ядом». Интерес юного подводника в женской сексуальности, открытие для себя женского природного обаяния и красоты может свидетельствовать в пользу «выздоровления» комбатанта.

Заключение

Итак, анализ военных дневников подводника Г. И. Сенникова убедил нас в том, что не только женские, но и мужские эго-документы являются ценными источниками для изучения проблемы «женщина на войне», гендерных взаимоотношений на фронте и военной любовно-сексуальной культуры. Специфика таких документов, в которых мир женщин, женское военное пространство и половые взаимоотношения даны глазами мужчины-комбатанта, через индивидуальный мужской военный опыт, не только не сужает поле исследовательского дискурса, но и делает исследование более объемным и глубоким.

В военных дневниках краснофлотца зафиксированы типы женского поведения и гендерные роли, взятые женщинами во время войны и подмеченные мужчиной-комбатантом. Кроме традиционных ролей (женщина-

мать, хранительница очага, женщина-жертва), мы выделили еще другие, ставшие классическими для советской культуры женские роли с соответствующими им маркированными личностными качествами и стереотипами поведения: женщина – боевая подруга, женщина-невеста, женщина-любовница.

Восприятие любовно-сексуальной культуры юношей-комбатантом позволяет выделить некоторые «боле-вые точки» военных гендерных взаимоотношений и отметить некоторые феномены.

Во-первых, феномен гендерного сбоя стереотипных половых ролей, проявляющийся в ломке привычного алгоритма женского поведения, речевой культуре и во внешнем виде огрубевших на фронте женщин, трансляции ими мужского типа поведения.

Во-вторых, феномен биполяризации любовно-сексуальной культуры на войне: видение женского в черно-белых тонах без нюансов и оттенков; деление женщин на чистых, верных, а значит, заслуживающих доверия и уважения, и женщин «падших», неверных, доступных, порочных.

В-третьих, отметим феномен эмансипации социальных и гендерных ролей, когда женщина-воин, женщина – боевая подруга становится самой востребованной и уважаемой гендерной ролью.

Опыт ведения дневника на войне позволил юноше-подводнику через анализ доступных ему любовно-сексуальных сюжетов войны и общение с реальными женщинами-фронтвицами самоактуализироваться и самоидентифицироваться как мужчине, принять свое «маскулинное» начало, успешно преодолеть пост-травматический синдром, характерный для ситуации «выхода комбатанта из войны».

В ходе исследования удалось идентифицировать личности фронтовых подруг Георгия Ивановича и даже восстановить их послевоенную биографию. Речь идет о краснофлотце Терентьевой Зое Афанасьевне, вольнонаемной, слесаре-сборщице торпедной мастерской Семенихиной Ларисе Лазаревне, старшем лейтенанте медицинской службы Шадруновой Любове Николаевне.

В качестве перспектив дальнейшего исследования эго-документов матроса-подводника Г. И. Сенникова отметим следующие: возможность более детального изучения фронтовых бытовых практик, зафиксированных в дневниках и воспоминаниях подводника; актуальность изучения проблемы выхода комбатанта из войны на материале крымских дневников краснофлотца 1945-1946 гг.

Фото 1. Сенников Г. И. 1943-1944 гг.

Фото 2. Терентьева З. А. 1942-1943 гг.

Фото 3. Лелюхин Я. Д. 1942-1943 гг.

Фото 4. Сенников Г. И. Портрет Шадруновой Л. Н.
Надпись: Север. 1943 г. Акварель

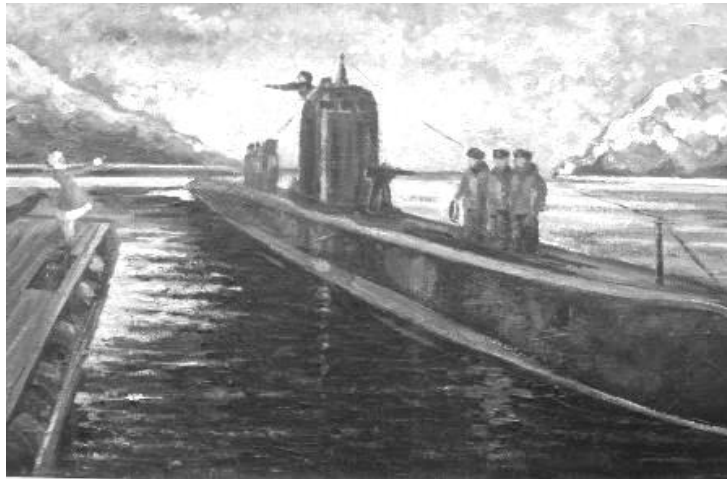

Фото 5. Сенников Г. И. Девушка на пирсе. Холст, масло. 1980-е гг.

Фото 6. Сенников Г. И. Дербент это. Рисунок в «крымском» дневнике. 1945 г.

Фото 7. Сенников Г. И. Матросы с девушками. Акварель. 1945 г.

Фото 8. Фото женщины с детьми из «крымского» дневника Г. И. Сенникова. 1946 г.

Финансирование | Funding**RU**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740008 «Челябинская область в Великой Отечественной войне на Севере (по дневникам 1943-1946 гг., документальным повестям матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова и архивным документам)».

EN

The research was funded by the RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20-49-740008 “Tchelyabinskaya region in the Great Patriotic War in the North (based on the diaries dated 1943-1946, documentaries of G. I. Sennikov, a submarine sailor of the Northern Fleet, and archival documents)”.

Источники | References

1. Бич Ю. Г., Хворосьянкина Д., Шторгина Е. Любовь, рожденная в огне пожарищ (по письмам, заметкам и воспоминаниям ветеранов войны супругов Мирошниченко) // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2015. № 7.
2. Бондоровская Э. А., Найденова А. А. Трудовые подвиги женщин в тылу // Кузница Великой Победы. Материалы дистанционной Всероссийской научно-практической конференции: сборник научных статей. Севастополь, 2020.
3. Вальке А. Память, гендер и молчание: устная история в (пост-) советской России и призрачная грань между публичным и приватным // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2011. № 1.
4. Глава Администрации города побывал в гостях у ветерана Зои Афанасьевны Терентьевой. 2015. URL: <http://rostov-news.net/other/2015/10/25/49002.html>
5. Горюшина Е. М. Женщина на войне: краткий историко-антропологический обзор // Женская активность: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021.
6. Гугова М. Х. Война глазами женщины в исторической памяти народов Северного Кавказа: постановка проблемы // Народы Юга России в отечественных войнах: материалы Международной научной конференции (6-7 сентября 2021 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2021.
7. Гугова М. Х. Женская военная повседневность: история изучения, источники, методы // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. 2017. № 1 (32).
8. Дубина В. С. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 2 (2).
9. Ларионов А. Э. Любовь в контексте фронтовой повседневности // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. № 1.
10. Лычагов С. Н. Любовь на линии огня: Великая Отечественная война в истории моей семьи южноуральцев Егоровых // Генеалогия и архивы: материалы Второй региональной научно-практической конференции / Государственный комитет по делам архивов Челябинской области; Объединенный государственный архив Челябинской области. Челябинск, 2020.
11. Постникова Е. Г., Волкова В. Б. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 2. DOI: 10.15826/qr.2020.2.484.
12. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е. Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.071.
13. Постникова Е. Г., Любецкий А. Е., Сенникова К. Г. Командиры Северного флота в эго-документах матроса-подводника Г. И. Сенникова // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6.
14. Потемкина М. Н., Савичева Ю. О. Производственная адаптация женщин в условиях Великой Отечественной войны (на примере Магнитогорского металлургического комбината) // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1.
15. Походно-полевые жены в годы ВОВ: безнравственность на войне или суровая необходимость. 2018. URL: <https://zen.yandex.ru/media/historicalfacts/pohodnopolevyje-jeny-v-gody-vov-beznravstvennost-na-voine-ili-surovaia-neobhodimost-5ab43909830905e35e323ada>
16. Походно-полевые жены. ППЖ. Что бы мы, мужчины, без них делали. 2019. URL: <https://oper-1974.livejournal.com/1307941.html>
17. ППЖ: наложницы или боевые подруги? Женское лицо войны. 2012. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/love/articles/56065/>
18. Резникова А. И. Героический труд женщин-медиков курской области в годы Великой Отечественной войны // Медицина в годы Великой Отечественной войны: материалы IV научно-теоретической онлайн-конференции (с международным участием). Курск, 2021.
19. Романов Р. Е. Женщины-работницы в оборонном производстве сибирского тыла (1941-1945 гг.) // Исторический курьер. 2019. № 3 (5).

20. Сенников Г. И. Малютка уходит в море. Воспоминания // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Рукопись, набранная на машинке.
21. Сенявская Е. С. «Без бабы и без вина и война не нужна»: проблема фронтовой морали в период Первой мировой войны // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 1.
22. Симонов К. На час запомнив имена // Симонов К. М. Стихотворения и поэмы / вступит. ст. Л. И. Лазарева; сост., подгот. текста и примечания Т. А. Бек. Л.: Советский писатель, 1982.
23. Скороспелова Т. В. Гендерная проблематика в исследованиях феномена войны // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2019. № 3.
24. Тажидинова И. Г. Любовь военного времени: опыт историко-социологического анализа лирической поэзии периода Великой отечественной войны // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. XI. Вып. 3. № 50.
25. Ушаков Д. А., Евтушок Ю. С. Их любовь родилась на войне // Победный май 1945 г. Международный форум: сборник статей. Ростов н/Д, 2020.
26. Фронтовой дневник Сенникова Г. И. 1943-1944 гг. // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Тетрадь 1.
27. Фронтовой дневник Сенникова Г. И. 1944-1945 гг. // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Тетрадь 2.
28. Фронтовой дневник Сенникова Г. И. 1945-1946 гг. // Архив Лаборатории народной культуры (ЛНК). Рукописный фонд № 42. Тетрадь 3.
29. Центральный военно-морской архив (ЦВМА).

Информация об авторах | Author information

RU**Постникова Екатерина Георгиевна**¹, д. филол. н., доц.**Любецкий Артем Евгеньевич**², к. ист. н.**Сенникова Ксения Георгиевна**³^{1,2} Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва**EN****Postnikova Yekaterina Georgievna**¹, Dr**Lyubetsky Artyom Evgen'evich**², PhD**Sennikova Ksenia Georgievna**³^{1,2} Nosov Magnitogorsk State Technical University³ National Research University "Higher School of Economics", Moscow¹ ekaterinapost@mail.ru, ² artyoml@list.ru, ³ ksennikova@hse.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.08.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): Великая Отечественная война; гендер; антропология; женщина на войне; Г. И. Сенников; The Great Patriotic War; gender; anthropology; woman at war; G. I. Sennikov.